

Константин Сергеевич Аксаков

**По поводу VIII тома «Истории
России» г. Соловьева**

Константин Сергеевич Аксаков
По поводу VIII тома «Истории
России» г. Соловьева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2684515

Аннотация

«VIII том «Истории России» почтенного профессора заключает в себе едва ли не самую знаменательную эпоху в русской истории: он содержит в себе царствование Бориса, царствование Шуйского, самозванцев и междуцарствие...»

Содержание

Константин Сергеевич Аксаков По поводу VIII тома «Истории России» г. Соловьева

VIII том «Истории России» почтенного профессора заключает в себе едва ли не самую знаменательную эпоху в русской истории: он содержит в себе царствование Бориса, царствование Шуйского, самозванцев и междуцарствие.

VIII том имеет те же общие недостатки исторического изложения и слога, но гораздо менее, чем предшествующие, уже разобранные нами, два тома, останавливаться на них мы не считаем нужным, ибо в критиках наших на VI и VII томы недостатки эти были разобраны подробно. В этом VIII томе самая быстрота событий заставляла автора вести последовательный рассказ, совокупляя, сосредоточивая в нем разнообразные явления: от чего рассказ жив и изобразителен. Мы укажем теперь же лишь на некоторые странности слога и, впоследствии в своем месте на некоторые, как нам кажется, исторические ошибки. Затем мы обратимся к самой эпохе, рассказанной автором в VIII томе, и выскажем наше мнение. Надобно предварительно сказать, что упреки, нами

сделанные VII тому, то есть отрывочность и часто беспричинность выписок, а также недостаток выводов, отсутствие в извлечениях знаменательности явлений, – к VIII тому не подходят. Из этого одного уже видно, как много выше VIII том предыдущих, что мы и спешим заявить с искренней радостью. Мы будем еще иметь случай поговорить особо о достоинствах VIII тома.

Начинаем, как сказали, с указаний на некоторые недостатки в слогe; они не выступают ярко наружу, но зато они падают на внутреннее существо слога. Например:

«Беда грозит молодому человеку; он спасается от нее пострижением, скитается из монастыря в монастырь, попадает наконец в Чудов и берется даже к Иову патриарху для книжного письма. Но здесь речи (чьи?) о возможности быть ему царем на Москве навлекли на него новую беду»¹.

Слог рассказа и сжат, и вял, в одно и то же время; какое отвлеченное и темное это выражение: «речи о возможности быть ему царем на Москве». И потом, чьи речи? – Это могли говорить про Гришку Отрепьева и другие.

Говоря о восстании народном, о той минуте, когда народ ломился во дворец, автор выражается: «Стража оробела и позволила одному из заговорщиков ворваться в царскую спальню и закричать Дмитрию»². *Позволила* – точно будто: *дала позволение*.

¹ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 86.

² Там же, т. VIII, с. 151.

«Выдавался он (Заруцкий) действительно перед товарищами красотой, стройностью, отвагой»³. – *Стройность* – странно, вероятно: стройностью стана.

«Из полуторы тысячи поляков и донских казаков, бывших в Иосифовом монастыре, осталось только 300 человек, потерявши все, и знамена; при этом бегстве, по признанию самих поляков, большую помощь оказали им донские казаки»⁴. Какую помощь при бегстве? Способствовали ли донские казаки бегству поляков, дали ли им, например, великодушно лошадей своих, – или прикрывали их отступление?..

Приводя место из окружной грамоты, г. Соловьев передает его так: «Вспомните одно: только в корню основание крепко будет, то и дерево неподвижно; если же корня не будет, то к чему прилепиться?»⁵ Это выражение известно читающему русскому миру: оно находится, как эпиграф, на заглавном листе «Русской Беседы», обращающейся к своим соотечественникам со словами древней народной окружной грамоты. Первая половина предложения странно передана почтенным профессором. В грамоте сказано: «Только коренюю основание крепко, то и древо неподвижно». Г. профессор передает: *только в корню основание крепко будет*; это неясно и может быть понимаемо различно. Между тем как смысл слов очень прост; его можно было бы буквально передать:

³ Там же, с. 123.

⁴ Там же, с. 311.

⁵ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 388.

только корню основание крепко, или – если это кажется не совсем ясно – таким образом: *как только у корня основание крепко, то*, и т. д.

«Послы едва могли уговорить их (смолян) на введение 200 человек»⁶. *Уговорить на введение* – оборот отвлеченный, тяжёлый и насильственный. Почему не: *уговорить ввести!*

Конечно, эти замечания неважные; но однако дело идет о русском языке, *о русских писателях, пишущих по-русски*. От сочинителя «Русской истории» мы, кажется, всегда и везде вправе требовать не только русских слов, но и русского слога.

Теперь обратимся к самой «Истории».

В русском государстве в самом конце XVI века произошло явление дотоле небывалое. Род, призванный народом из-за моря, чтобы государствовать в России, – прекратился. Род самый, если угодно, не прекратился: Рюриковичей было много, но они только происходили от Рюрика, а государями на Руси не были; они были князья, а в России на государстве был уже царь. Они звались именами городов, нося с собой предание об отдельных княжествах, а в России уже не было отдельных княжеств, а было одно царство. Князья-Рюриковичи представляли историческое прошедшее, эпоху, лишённую живой современности, эпоху минувшую. Род, некогда, в 862 году, призванный государствовать, выработался в род царей московских и продолжался для земли только в этом

⁶ Там же, с. 403.

роде. Остальные Рюриковичи слились уже со всеми другими служилыми людьми. На кровь, на происхождение русский народ не обращал внимания. Государственный род был для русской земли только род царей московских. Он дорог был ей, как *естественное* преемство. В течение 700 лет, раз призвав род Рюрика княжить и государствовать, Россия жила при государях этого рода, обеспеченная с этой стороны, не находясь в затруднении, не вдаваясь в хлопоты: кого сделать государем. Государя шли по наследству. Ссорились и сражались между собой, пока государство еще распространялось на большую или меньшую совокупность Рюриковичей, пока, так сказать, это право власти имело значение и в пространстве, а не только во времени. Но все же это был все тот же государственный род, призванный русской землей. Этот род, суживаясь и стесняясь, вследствие исторического хода, выработался, как мы уже сказали, в род государей московских, и государство получило значение лишь относительно времени. Из рода явилась династия; в ней выразался, в ней одной лишь жизненно, действительно существовал Рюриковский род. Но как бы то ни было, во всяком случае, земля видела подле себя во главе государства все тот же род, который был некогда призван ею. Вдруг этот семисотлетний род прекращается. Земля увидела себя без государя, которого некогда сама она у себя поставила и который велся у нее долго и наконец перевелся. Сознывая, как в 862 году, необходимость государства, земля находилась почти в том же по-

ложении, как и тогда. Но однако при неподвижности главных основ – многое, если не в них, то на них изменилось. Многочисленные отдельные княжества исчезли и заменились единым государством. Вместо многих князей явился один царь. Земля была уже не множеством отдельных, часто враждующих городов или общин, связанных лишь отвлеченной идеей единства, но огромным целым, всей русской землей. Отдельные веча перешли в Земский Собор. Теперь, когда государственный род прекратился, когда в то же время земля, по прежнему, понимая свое назначение высоко и не желая сама в государство переходить, считала нужным держать при себе государство, – что было делать земле? – Опять призывать из-за моря? Но (и в этом разница от 862 года) это не была уже земля, не изведавшая государства; напротив того: государство уже 700 лет находилось при земле, не нарушая своих первоначальных отношений. Все государственное устройство было уже заведено, было тут, подле, у себя дома. Недоставало только одного главного лица, чтобы машина государственная двинулась своим порядком: недоставало государя. Но при государстве необходимо образовался разряд людей государственных, людей *служилых* (в отличие от людей *земских*), из которых, следовательно, не ходя за море, можно было выбрать государя, без всякого нарушения главного основания, то есть несмеси земли с государством. Итак, необходимо было *выбрать*, ибо с прекращением московского рода естественность преемства, столь уважаемая землей,

уже не существовала. Но кого же выбрать в государи? Мы уже сказали, что родовое происхождение вообще, и, следовательно, происхождение от Рюрика ничего не значило в глазах народа и не давало никаких прав. Здесь опять руководилась русская земля *естественностью* выбора. Чего естественнее выбрать было человека, который и без того правил государством, хотя и не был царем, и правлением которого были довольны? Вот простая причина избрания Годунова в стране, которая мало обращает внимания на происхождение, на родовой вопрос. Причина эта высказана современником. Когда князь Пожарский был в Ярославле, к нему пришли туда послы от великого Новгорода, князь Федор Оболенский с товарищами. Оболенский правил посольство к Пожарскому, держал речь, и в речи своей изложил вкратце исторические события той эпохи⁷. Это изложение в высшей степени замечательно; прекрасное само по себе, оно в то же время обнаруживает взгляд современных русских на обстоятельства и действия того времени. В этом изложении князь Оболенский говорит об избрании Годунова так: «И после был выбран Борис Годунов, *по его в Российском государстве правительству*». Эти слова, во всяком случае, очень важные можно понимать двояко: или они значат то, что Борис был выбран потому, *как он правил* (то есть, что он правил хорошо); или же, что Борис был выбран *по тому, что он уже правил* государством. Этот второй смысл кажется нам более вероят-

⁷ См. «Акты архивной экспедиции». Т. I.

ным, он подтверждает слова наши о естественности выбора. При этом втором смысле также заключается если не положительная похвала, то одобрение Борису. Если бы его правление не нравилось земле русской, кто же бы ей тогда велел его выбирать? Вспомним, что царствованием Федора все были довольны, а ведь правил Борис: это все знали. Очевидно, что избрание Бориса считалось законным. Тот же Оболенский, сказав без всякого возражения об избрании Бориса, говорит о незаконности избрания Василия Шуйского⁸.

Итак, избранный народной волей Борис сел на престоле так же твердо и надежно, как и наследственные цари. Но вдруг пронесся слух, что род государственный, избранный за семьсот лет, не прекратился; что избрание нового царя было не нужно, ибо существовал естественный наследник Федора. Избрание Бориса уничтожалось само собою, ибо он был избран в том предположении, что у московских царей наследника не осталось. Народ не думал лишать Дмитрия престола, не думал переменять государственного рода. Следовательно, Дмитрий явился, имея на своей стороне всю народную волю. И народ встал за него, за свое решение, им неизменное, вследствие которого должен был царствовать по естественному преемству им за 700 лет призванный род государственный. Вот почему не было и борьбы никакой, не

⁸ А на московском государстве учинился государем царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, по избранию немногих городов, а иные многие украинные города его себе государем не похотели, и пр. – «Акты архивной экспедиции». Т. I.

могло быть и выбора между Борисом и Дмитрием. Спор мог быть только в том, истинный ли Дмитрий это или ложный. С одной стороны, была уверенность, с другой, недоумение и сомнение, легко уступавшее уверенности, что это истинный Дмитрий. Вот почему так плохо дрались войска Бориса с войсками Лжедмитрия. Народ стоял за свое народное изволение: быть государем наследственному преемнику, а не за отвлеченное право наследства, которое получало значение (по понятиям древней России) только от народного изволения. Это вполне подтверждается словами наших послов к полякам: «Хотя бы был и прямой прирожденный государь царевич Дмитрий, но если его на государство не хотели, то ему силой нельзя быть на государстве»⁹.

Мнение почтенного профессора о Борисе носит характер какого-то предубеждения, и, страниц, предубеждения тревожного. Он преследует его, как личный враг, ловит его на словах, привязывается к нему на каждом шагу. Например:

«Но среди этих распоряжений новый царь занимался и тем, чтобы щедростью и угощениями привязать к себе служилых людей: пишут, что почти ежедневно бывали у него обеды на 70 000 человек: „И подавал, говорит летописец, ратным людям и всяким в Серпухове жалованье и милость великую“. Цель, по-видимому, была достигнута: „Они все, видя от него милость, обрадовались, чаяли и вперед себе от него такого же жалованья“. Итак, вот на чем основался союз

⁹ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 201.

Годунова со служилыми людьми: они чаяли вперед себе от него большого жалованья!»¹⁰

Вывод совсем неверен: тут нет и речи «о союзе со служилыми людьми»; тут просто сказано, что они обрадовались и чаяли и вперед себе от Годунова такого же жалованья. Откуда же следует, что на этом был основан союз Годунова со служилыми людьми? Это могло быть сказано и о царе Федоре Ивановиче, и о всяком другом царе.

Автор, можно сказать, становится в полемическое отношение к Борису. Вот пример:

«Годунов был избран голосом всей земли; народ, стоя на коленах, с воплем и слезами умолял его умилосердиться, принять престол: какого права нужно было после того человеку, хотя бы он был самого низкого происхождения? Не было ли признаком крайнего мелкодушия тяготиться своим относительно незнатным происхождением, подозревать, что для других это происхождение уменьшает права, значение всенародного избранника? Не было ли признаком крайнего мелкодушия не уметь скрыть этого подозрения, обнаружить свою слабость, напомнить народу о том, о чем, вероятно, большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное определение об избрании Годунова в цари. В нем прежде всего прямо объявлено, что царь Иван Васильевич, умирая, вручил сына своего Федора боярину Борису Федоровичу с такими словами: „Тебе предаю с Богом этого сына

¹⁰ Там же, с. 13.

моего, будь благоприятен ему до скончания живота его, а по его смерти тебе приказываю и царство это“. И царь Федор по приказу отца своего и по приятельству вручил царство Борису Федоровичу. Далее патриарх счел нужным примерами из священной и римской истории показать, что восходили на царский престол люди не от царского рода и не от великих синклит, и, несмотря на то большой славы достигали, ибо не на благородство зрит Бог, но благоверие предызбирает и душу благочестивую почитает. Наконец, в заключении говорится: „Да не скажет кто-нибудь: отлучимся от них, потому что царя сами себе поставили: да не будет того, да не отлучаются, а если кто скажет такое слово, то неразумен есть и проклят“. Странное предположение возможности подобного слова после стольких всенародных слез и воплей!»¹¹

Вот уж здесь, точно, *всякое лыко идет в строку*, как говорится, возражаем!.. Начать с того, что при каких угодно искренних слезах всенародных, все могут найтись люди, которые захотят затевать крамолы даже против народной воли. А здесь так и сказано: «кто-нибудь». Потом по русским понятиям, конечно, избрание всем народом есть полнейшее право на престол; и в первых словах соборного определения выражается, по нашему мнению, не иное что, как намерение объяснить естественность выбора, естественность народного назначения Бориса в цари. В дальнейших же приводимых г. Соловьевым словах высказывается взгляд духовен-

¹¹ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 15–16.

ства, взгляд несколько византийский, который (как мы уже не раз замечали), в тех случаях, когда слышалось в нем византийское предание, расходился врозь со взглядом народным, – тот взгляд духовенства, которому и в этом случае избрание всенародное, вопреки русскому воззрению, могло казаться недостаточным. Были ли точно всенародные вопли и слезы – это другой вопрос. Но мы думаем (вследствие сказанного нами), что слова эти нисколько не заподозривают этих всенародных слез и воплей.

Далее:

«С одной стороны видим в актах, относящихся к избранию Годунова, страшное злоупотребление в известиях о всеобщей преданности, всеобщих воплях и слезах при челобитьи, всеобщем восторге при согласии принять царство: и тут же встречаем в совершенном противоречии сильную подозрительность со стороны человека, которому оказывается столько усердия. Одно из двух: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующих, обличала человека, недостойного такого усердия, или, если подозрительность была основательна, то беспрерывно повторяемые известия о всеобщем усердии заключали в себе вопиющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неуверенность в самом себе высказалась и в этом страхе перед низостью происхождения, страхе, недостойном человека, избранного всей землей, которая самим этим избранием подняла его выше всех. Мелкодушие Годунова,

непонимание своего положения высказалось и в этом явном стремлении задаривать, заискивать себе расположение народное расточением милостей, небывалым при прежних государях, например, в этих пиршествах и подарках ратным людям, которые не видали неприятеля; Годунов не понимал, что только тот может приобрести прочное народное расположение, кто не ищет его, или, по крайней мере, не показывает ни малейшего вида, что ищет, не понимал, что расточение милостей только уменьшает их цену, что милость, дарованная государем, по наследству престол получившим, имеет только значение милости, тогда как милость от царя избранного является в виде платы за избрание. Наконец, недостаток нравственного величия, уменья владеть собою, не забыться при достижении желанной цели, всего разительнее оказался в словах Годунова, произнесенных при царском венчании: „Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!“ Как можно обрадоваться до такой степени, забыться от радости до такой степени, чтобы торжественно связать себя подобным обещанием!»¹².

Почтенный профессор забывает, что при официальных актах или лучше при официальном изложении дела вступала в свои права византийская риторика, к которой считало как бы обязанностью прибегать, в известных случаях, наше высшее духовенство, и от которой столько отличается старинное летописное изложение, составленное, однако, духов-

¹² «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 17–18.

ными же лицами, но при других условиях. Эту официальную риторику встречаем мы в актах, относящихся к избранию Бориса Годунова. Это не официальная ложь: это просто высокопарный слог, цветы красноречия, сочувствия к которым мы, конечно, не имеем; ибо это все-таки ложь, хотя и риторическая, ибо это цветы поддельные, ради красоты слога. Такой же официальной риторикой сильно пропитана летопись Авраамия Палицына. А здесь нет Годунова, ради которого, по мнению г. Соловьева, являлась эта официальная ложь. Г. профессор говорит, что «милость, дарованная государем, по наследству престол получившим, имеет только значение милости, тогда как милость от царя избранного является в виде платы за избрание». Странные слова! Слова, обидные для народа. Разве можно купить народное избрание, *народное*, где *все* имеют право голоса? Неужели весь народ может быть продажным? К тому же, если принять слова почтенного профессора, то царь избранный не может уже и оказывать милости, а только царь наследственный.

Мы выписали не все места, в которых г. Соловьев нападет на Бориса, но довольно и приведенных нами. Не составляют ли же противоречия следующие строки:

«Для большинства народонаселения в московском государстве Борис и на престоле оставался таким же, каким был во время правления своего при царе Федоре. Муж чудный и сладкоречивый продолжал устраивать в русском государстве много достохвальных вещей, по-прежнему ненавидел мздо-

имство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, был светлодушен, милостив, нищелюбив. Ради таких строе- ний всенародных, Борис в первые годы своего царствования был всем любезен. Россия цвела всеми благами. А, несмот- ря на то, он пал, потому что, говорят русские современники, навел он на себя негодование чиновачальников всей русской земли».

«Годунов, любимый большинством, пал вследствие него- дования меньшинства, чиновачальников русской земли. Так говорят современники, иностранцы и русские, и после по- верки их объяснения, мы не можем не согласиться с ними»¹³.

Далее г. автор опять нападает на Годунова. Но как бы ни могла развиться после дурная сторона в Борисе, в первые го- ды царствования, по признанию самого автора (см. выпис- ку), Борис отличался высокими качествами и *был всем лю- безен*. А это, кажется, противоречит мнению автора о Бори- се, высказанному в начале и представленному нами отчасти, в некоторых вышеприведенных выписках.

Мы не можем согласиться с мнением почтенного профес- сора о Борисе.

Призванный судьбой на престол в ту минуту, когда Рос- сия только еще избавилась от стеснявших ее внешних вра- гов, когда она сломила самый сильный и тяжелый для нее остаток татарского ига: царство Казанское, с которым связа- на была двухсотлетняя зависимость, когда еще в южных сте-

¹³ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 60.

пях ее бродили азиатские племена, бессильные подчинить и покорить, но довольно сильные, чтобы истреблять и грабить, когда борьба с внешними врагами приняла однако более спокойный вид, уже как борьба могущественного государства с соседними государствами, или с кидаящимися на него хищными и дикими племенами, способными лишь вредить, но не победить, Борис обратил внимание на внутреннее состояние России, на мирное братское общение с другими странами. До татарского ига Россия, всегда любившая деятельность духовную, не уступала в просвещении окружным странам. Татары, грузно навалившись на Русь, отгородили ее от других народов. Византия, с которой сношения кой-как еще продолжались, – пала. Воспользовавшись тяжелым положением России, Литва отхватила южную ее половину, соединилась с Польшей, а Польша, враждебная не менее татар, еще более отделила Россию от остального мира. Русский народ никогда не хотел сам отгораживать себя от других народов. Это не славянская, не христианская идея. Напротив, общение – вот живой элемент русского народа. И как может не быть потребности *общения* там, где основное начало – *община!*.. Но наши близорукие историки обстоятельства, факты принимают за принцип, за свойство самого народа. Это все равно, как если бы сказать про пленника, заключенного в тюрьме, что у него сильная охота сидеть запершись, и что он ни на кого из людей и смотреть не хочет. Кажется просто, а попробуйте, растолкуйте это тем, которые или не хо-

тят, или не в состоянии понять, что сидеть взаперти еще не значит иметь желание сидеть взаперти. Сколько раз обвиняли древнюю Русь в каком-то небывалом одичании, в ненависти к иностранцам, в наклонности чуждаться других народов, в страхе просвещения. История доказывает нам противное, доказывает, что не Русь чуждалась просвещения, не Русь отворачивалась от Западной Европы: нет, она силилась завести с ней сношения, она, оставаясь вполне самостоятельной народностью, просила того общечеловеческого достоинства, тех плодов науки, которые успели созреть в ее отсутствие на Западе на его народностях. Но как отвечала на это Западная Европа? Едва стала редеть лежавшая рядом с ней густая, тяжелая мгла татарская, и из этой мглы выглянул бодрый и крепкий, новый какой-то народ, с какими-то своими понятиями и началами, и едва этот народ обратился к Европе с просьбой поделиться с ним просвещением, как проникнутая враждебностью Европа не только не дала ему своего просвещения, но приняла строгие меры, чтобы просвещение не проникло в Русь как-нибудь случайным образом через частных людей. Г. Соловьев с полной добросовестностью историка выставил эти факты в своей истории.

Но, желая просвещения, чем же разнилась Древняя Русь от Руси новейшей, петровской, от тех наконец, которые с самодовольной гордостью, с какою-то торжественностью, громко заявляя, что они – за просвещение (как будто можно быть против просвещения?), упрекают нашу Древнюю

Русь в пристрастии к невежеству, в обскурантизме? О, разница есть, и разница огромная. Древняя Русь, желая просвещения, готова взять плоды его откуда бы то ни было (а не только от Запада), оставалась и хотела остаться сама собою, хотела усвоить себе просвещение самостоятельно, свободно, не переходя в рабство, в подобострастную подражательность, с голосу, без рассуждения. Первое, то есть усвоение *самостоятельное* чужих успехов и знаний несравненно тяжелее, ибо требует труда, требует самобытной деятельности мысли, требует собственной духовной работы; это усвоение сознательное, разумное и критическое. Второе, то есть подражание рабское, безусловное несравненно легче, труд, самый нетрудный и приятный для тех, кому самостоятельность не под силу. Путем такого-то подражания или перенимания, путем бесплодным пошла Русь петровская, и шла полтора столетия. Но требование самостоятельности, давно начинавшее проявляться, громко заявило себя в наше время в целом определившемся направлении.

Таким образом, стремление (и притом истинное) к просвещению, к сближению (и притом самостоятельному) с Западной Европой было и до Петра. Отсюда, совершенно верно, выходит такое заключение, что все, что было истинного в делах и реформе Петра, принадлежит не ему; а все остальное – принадлежит ему.

Возвратимся к предмету.

Итак, как только России стало, так сказать, досужно, так

она сейчас подумала о просвещении, о науке, о том подвиге разума, которым подвизалась она на собственном пути и собственными силами, и который, если не был прерван, то был затруднен и замедлен внешними обстоятельствами. Эту потребность учения, просвещения, – живо понимал Борис. Зная, конечно, что самое дело просвещения и мысли человеческой есть дело свободного общества, а не дело законного правительства, – он понимал, что правительство обязано дать все средства для этого дела. Конечно, и сам государь, и всякое правительственное лицо может участвовать в общественном деле свободной мысли и жизни, но уже не как государь, не как лицо правительственное, а как член общества. В Борисе видим мы это стремление к просвещению, и не одно правительственное, но личное, которое, разумеется, отразилось бы и на правительственных его действиях. В сыне своем готовил он просвещенного государя. Первая карта России нарисована именно этим нежно любимым сыном, наследником недавнего царского престола, царевичем Федором, о котором сохранились только самые лучшие известия. Есть свидетельство, что царь хотел завести университет. Занимался преимущественно делами внутренними государства, Борис устранял в законодательстве то, что могло быть обидно для людей незнатных, для сословий низших. На Бориса падает обвинение в том, что он образовал в России крепостное состояние – обвинение тяжкое. Мы высказали нашу мысль о том, в разборе нашем Белевской Вивлиофи-

ки в «Русской Беседе» подкрепляя ее свидетельствами нашей старины. Считаем здесь неуместным вновь излагать нашу мысль и повторять уже приведенные нами доказательства или предъявлять новые, что надеемся сделать со временем. Скажем здесь только сущность нашей мысли о том, в чем состояло знаменитое прикрепление к земле. До Бориса Годунова крестьяне, рядясь на пашню за помещика, вотчинника или за кого бы то ни было, рядились на год, на пять, на десять, даже на двадцать лет. Такой срок обыкновенно сопровождался льготами; после истечения его льготы прекращались. Это обстоятельство уже само по себе показывает, что не было так сильно бродяжничество крестьян до Бориса Годунова, как иные, может быть, предполагают. Вся разница в состоянии крестьян до прикрепления и после прикрепления состояла в том, что до прикрепления, рядясь на год, на десять, на двадцать лет и на неопределенный срок, они до срока (как скоро он был обозначен) или просто нарушая договор (как скоро рядились бессрочно), выходя, или собственно *выбегая* из-за помещика, обыкновенно расплачивались деньгами, возвращали ссуду, платили, так сказать, неустойку, что обозначалось и в договорах их. После прикрепления было положено: не расплачиваться деньгами за неисполнение договора, но непременно исполнять договор, так что означенный в договоре срок крестьянин обязан был выжить; и если он, не дожив означенного срока, выбегал из-за помещика, то его возвращали к нему силою. Таких беглых крестьян

помещику предоставлялось отыскивать. Дело при таком постановлении, уничтожающем неустойку договора, конечно, получало особый смысл в том случае, когда договор был на бессрочное время. Но тем не менее самое прикрепление, по нашему мнению, не шло далее. Переход же крестьян в законных его пределах существовал до самого Петра. Г. Погодин в прекрасной статье своей об этом же вопросе совсем не признает прикрепления; наша мысль разнится немного от его мысли.

Время Бориса – это был первый, так сказать, досуг России после 1224 года, после долгого томительного времени татарского тяготения. И в это время досуга случился на престоле и досужий царь. С одной стороны, общение с Европой, и особенно с Азией, сильно было им поддерживаемо; с другой стороны, он вел сношения с отдаленным Востоком и строил крепости в Дагестане. Нельзя, думаем, после этого обвинять его в мелкости помыслов. Казалось, при умном царе Борисе должно было двинуться дело знания и вообще просвещения в России. Но над этим царем висело черной тучей грозное подозрение народное – и наконец из тучи сверкнула молния, и грянул гром. Настала буря, за ней другая, и пошли бури одна за другой.

Подозрение народа – вот единственный источник и самозванства в России, как прежде, так и после. Самозванец не сам, так сказать, явился: он был вызван народным подозрением. Народ, предполагая, что Борис совершил или мог со-

вершить злодейство – и где же? – на историческом пути, на пути народной воли, что он втерся обманом на престол русский, – народ был оскорблен в нравственном своем чувстве. А такое историческое оскорбление народного нравственного чувства никогда не проходит даром.

Удовлетворение этого оскорбления выражается также на историческом пути, в исторических проявлениях. В истории в такие минуты являются призраки, привидения. Народное правосудное мщение вызывает тени погибших. Обман облакается страшной действительностью. Тени льют кровь и истребляют людей. Такая-то эпоха наступила тогда в России. Самозванство вовсе не было дерзкой мыслью, пришедшей в голову одному лицу. Нет, это была мысль народная, и смелость состояла в том, чтобы воплотить в себе эту мысль. Убеждение, что Дмитрий жив, родилось, без сомнения, прежде, чем нашелся Лжедмитрий. Вообще надо заметить, что семьсот лет непрерывно продолжавшийся и наконец прекратившийся царственный род не вдруг оставил Россию, но продолжался еще в призраках, в привидениях: привидения вели войну, царствовали и волновали всю землю.

Были ли бы вызваны привидения, если бы, во-первых, не существовало мнения, что Дмитрий был убит, и во-вторых, если бы были вполне довольны Борисом? Это вопрос, на который, кажется, можно положительно отвечать, что без этих условий самозванец бы не явился.

Можем думать, что весь народ благоволил к Борису, но

смушался подозрением в злодействе. Враждебны Годунову были только верхние, боярские слои; но вероятно, они сами по себе ничего не могли бы ему сделать. А сломил Бориса призрак, вызванный народным подозрением.

Из всего сказанного нами видно, что лицо Бориса, по нашему мнению, не должно внушать тех раздражений и негодований, какие внушает оно некоторым. Борис, по нашему мнению (г. Погодин, кажется, прежде всех это доказывал; мы тоже со своей стороны доказывали это в «Русской Беседе»), Борис невинен в злодействе, которое ему приписывают – и это главное. Он имел свои недостатки, был подозрителен, преследовал подозреваемых, но недостатки эти исчезают перед его высокими достоинствами. Бывает историческая неправа, историческая несправедливость: она постигла Бориса. Историческая несправедливость эта имеет свою правду современную, преходящую. А между тем она все же несправедливость, и такой должен явить ее историк, свободный от страсти мимоидущей минуты. Исторический путь исполнен крайностей и односторонностей; только в общем созерцании, только впоследствии является этот путь во всей своей истине, свободный от своей *временности*. Поставленный на историческом пути, на одном из крутых его поворотов, умный, строгий, деятельный Борис понес на себе все следствия такого положения своего, понес на себе историческое подозрение и историческую клевету – плоды тогдашней преходящей минуты. Сделав добро, какое мог, и желав сделать

еще более, чего не успел сделать, Борис пал, сшибленный с ног потоком событий, и увлек за собой все свое прекрасное семейство: и просвещенного, высоконравственного сына, и дочь, и жену. В заключение скажем о Борисе словами современника его, Сергея Кубасова: «Муж зело чуден и сладкоречив, вельми благоверен и нищелюбив, и строителен вельми о державе своей, и многое попечение имея, и много дивное от себе творяше».

Против Бориса выступил призрак, выступила тень и победила. Кто же был тот, который принял имя этой тени? Кто же сосредоточил на себе столько верований, сомнений, отрицаний, столько суеверия? Что за лицо Лжедмитрий?

Г. Соловьев, сказав справедливо, что самозванец не мог быть истинным Дмитрием, высказывает весьма замечательную и, как нам кажется, глубоко верную мысль, именно: что самозванец не был обманщиком, но сам был убежден, что он истинный Дмитрий. Эта мысль, так объясняющая все действия самозванца, была, впрочем, уже высказана прежде и даже давно. Эта мысль принадлежит гениальному мыслителю и великому поэту – Шиллеру. Он начал писать драматическое произведение «Лжедмитрий», от которого осталось несколько сцен и план. Там выводит он самозванца, как искренно убежденного, что он Дмитрий. Отдавая Шиллеру честь этой мысли, мы должны, однако, прибавить, что у него самозванец не сохраняет этого убеждения; на половине дороги, среди успехов в виду приближающегося торжества он

вдруг узнает, что он не Дмитрий, и здесь драматическое положение достигает высшей точки; но оно противоречит уже истории. Мы согласны с мнением г. Соловьева, что это убеждение не оставляло Дмитрия до последней минуты, и, повторяем, мнение это одно объясняет, одно согласуется с характером и действием Лжедмитрия. Вопросы о том, кто внушил ему эту мысль – вопросы второстепенные. Автор думает, что он был подставлен боярами, не без участия Сапеги и иезуитов. Правда, издалека составляемый план согласуется гораздо более с характером иезуитов, чем московских бояр; но дело могло сделаться другим образом: быть может, план не велся издалека, не с детства внушаемо было мальчику, что он царевич Дмитрий; а просто, когда созрела мысль о появлении Дмитрия на свет, тогда нашли человека, пылко-го, легковерного, ветреного и беззаботного, и без труда могли уверить его, как бы *открыв ему тайну*, что он царевич Дмитрий¹⁴. Это могло быть устроено незадолго до появле-

¹⁴ Против этого мнения возражают: Дмитрию, когда он погиб насильственной смертью, было семь лет. А в эти годы ребенок хорошо уже помнит все происходящее. Так. Но легковерный и ветреный юноша поверит легко такому лестному для него уверению, что он царевич Дмитрий, и не станет соображать: мог ли он помнить, или не мог все события и спасение свое. И мало ли можно было тут наговорить объяснений для большого удостоверения: и долгая болезнь, и беспмятство и пр. и пр. А с другой стороны, в природе человеческой легко уверить себя в том, чему желаешь верить, даже в совершенно несбыточном, и с какой хитростью и ловкостью найдет человек все нужные для того объяснения, желая поверить, или предварительно сильно поверив, – объяснения, для кого они нужны; а есть характеры, в них совершенно не нуждающиеся, характеры легковерные, почти без вопроса верящие несбыточному. К таким характерам принадле-

ния Дмитрия на поприще истории, именно около того времени, когда самозванец бежал из России в Польшу. С таким небольшим изменением принимаем мы мысль г. Соловьева о том, кем было внушено самозванцу, что он истинный Дмитрий. Скажем мимоходом, что самозванец первый носил на русском престоле титул императора.

Г. Соловьев думает, что восстание против Лжедмитрия не было делом народным, а было скопом, заговором, было делом партии. Это не было делом всей России – это так: Россия и не могла вся принимать в этом участие, ибо не перед ее лицом совершались ежедневные невыносимые бесчинства, умножавшиеся с каждым днем. Понятно, что для свержения Лжедмитрия Москва не могла и нечего ей было сноситься с Россией. Это ведь не было делом спокойного обсуждения, как избрание или даже сведение с престола. Вспомним, что нераздельно с Дмитрием были связаны поляки, оскорбляв-

жал самозванец. Еще замечание: будь самозванец истинным Дмитрием, или будь он обманщиком сознательным, – в первом случае невольно, во втором намеренно, он бы рассказывал именно о своем спасении, о первом этом времени со всеми подробностями. Но этого мы не видим. Напротив, самозванец не говорит о том, чего не знает; и это незнание нимало не смущает его беззаботной и легкомысленной уверенности в том, что он истинный Дмитрий. Его незнание этого первого времени спасения или ему объяснили, или сам он себе объяснил, или даже вовсе не объяснили ему; но его это не тревожит: да и как тревожить при полной его уверенности, что он истинный Дмитрий? Не станет же он себе объяснять, что он – он, какие бы сомнения ни возникали против этого, и как бы правдоподобно против этого ни возражали. Просим не забывать, что такая уверенность возможна при легком, ветреном, беззаботном и доверчивом характере Лжедмитрия, столь выдающемся в истории и столь известном.

шие, унижавшие народ; дело принимало уже народно-враждебный оттенок. Задача разрешилась просто: в Москве был враг, – ей и должно было ударить на него. Москва так и сделала. Но теперь вопрос: было ли низвержение самозванца делом всей Москвы? Г. Соловьев думает, что не всей, что многие были за Лжедмитрия. Не можем принять так положительно его мнения. Совершенно справедливо оно в том отношении, что далеко не все были убеждены, что Дмитрий – обманщик, что иные думали, что он истинный Дмитрий, иные думали противное, а большая часть сомневались и колебались. Но никто не сомневался в то же время в том, что над русской верой ругаются, что поляки оскорбляют народ и распоряжаются в Москве, как дома, что царь пляшет по иностранной дудке, что некрещеная Марина венчается царицей в Успенском соборе. В этом, можно надеяться, не было разномыслия, не было несогласия. И сомнение, и сочувствие было в этом отношении, без сомнения, общее. Но, конечно, *невозможно* было Москве в присутствии польских дружин спокойно совещаться – свергнуть Лжедмитрия или нет, и как свергнуть. Сочувствовали делу (так можно было предполагать) все; совещались и сговаривались не все. В минуту исполнения самого замысла совещавшиеся не были вполне уверены в остальных, а потому на всякой случай и было объявлено остальным: Литва бьет царя. Это была мера, заранее рассчитанная на самую минуту восстания, мера предосторожности, принятая на всякий случай. Если бы здесь бы-

ло нешуточное убеждение, что в таком духе настроена часть народа, то такие слухи развеивали бы заранее, а мы знаем, что развеивали слухи о избииении бояр, но не царя. А эти предохранительные, на всякий случай, слова были сказаны в самую минуту восстания. Далее: нигде в народонаселении московском, не выразилось протеста в пользу самозванца, протеста, который бы непременно выразился тут же, если бы приверженные к нему люди увидали, что вместо того, чтобы защищать царя, их позвали бить его. Одни стрельцы приняли сторону Лжедмитрия, не веря, что он обманщик; но любви к нему безусловной и они не выказали, хотя он им и большие награды сулил. Наконец, нигде нет никакого свидетельства, ни в летописях, ни в грамотах и ни в каких письменных наших актах, чтобы свержение Дмитрия было делом партии, а не всего народа. Мы еще более утверждаемся в нашем мнении потому, что непосредственно с свержением Дмитрия связывается дело, которое было точно делом партии, которое зато несомненно таким и является, и оттеняется ярко. Ради избрания в цари на вакантный престол – и можно, и должно было созвать Земский Собор, для того чтобы это избрание было делом законным. Это дело можно и должно было и обдумать, и обсудить всей землей. Никакого Собора не только Земского, но и московского, созвано не было, а потому Василий Шуйский вступил на престол точно не по воле народной. Таким образом, избрание Шуйского было делом партии: но зато об этом так и говорится в наших актах, на

это мы и имеем прямые свидетельства. Князь Федор Оболенский в речи своей к Пожарскому, излагая вкратце историю последних лет и сказав о Годунове, что «все единомышленно всей землею избрали Бориса», прямо замечает о Шуйском, что Шуйский выбран немногими городами; но тот же Оболенский без всякого замечания и возражения рассказывает, как всенародное дело, свержение и даже убийство самозванца. Вот собственные слова Оболенского: «И вы все, бояре и воеводы, и всяких чинов люди московского государства, узнав его вора, злой смерти предали, а на московском государстве учинился государем царь и великий князь Василий Иванович всея Руси по избрании немногих городов, а иные многие украинные города его себе государем не хотели, и в послушании быти не почали, а начали себе избирать воровских царевичей, Петрушку и иных, и теми имяны московскому государству много зла учинили». Слова Оболенского, кажется нам, окончательно решают вопрос. Дело свержения самозванца, хотя ему не предшествовало (да по обстановке той минуты и не могло предшествовать) общего совещания, было делом общенародным, а не делом партии. Избрание же Шуйского на престол было точно делом партии¹⁵.

Скажем кстати, что эта речь Оболенского имеет, по нашему мнению, высшую историческую важность: это слова, уст-

¹⁵ На это, кажется, указал прежде всех А. С. Хомяков в своей трагедии «Дмитрий самозванец». Скопин говорит там, услышав, что провозглашают Шуйского: «Что это? *Без выбора, без Земского Собора?*».

ные слова современного человека о тогдашнем времени, о тогдашних исторических событиях; в них выражается взгляд тогдашних русских на эти события и вместе с этим – истинный смысл этих событий. Надо вникнуть в эти драгоценные слова, и из них извлечь можно много. Как хорошо выражение Оболенского об этом множестве самозванцев, которых пошли себе выбирать разные города. «И теми имяны, – говорит Оболенский, – московскому государству много зла учинили». Точно: *имяны*. Это были *имена*, которые мугили и действовали. В этом выражении схвачена вся отвлеченность самозванства, и вместе вся та действительность, какую может иметь эта отвлеченность/

Г. Соловьев не посвящает в своей «Истории» особых строк характеристике Лжедмитрия; но он довольно явственно выступает из его рассказа. Это был человек легкомысленный, храбрый, увлекающийся и увлекающий, одаренный быстротой ума и способностью слова. Добро и зло поглощались в нем какой-то безнравственной легкостью, которая способна на самое ужасное бесчеловечное дело (таковы его отношения к несчастной Ксении Годуновой), и которая притом еще не лишена даже наивности и какого-то простодушия. Все это вместе, по крайней мере, столько же возмутительно, как и рассчитанная серьезная безнравственность. Таков был, кажется, Лжедмитрий. Эта легкость, ветренность характера вовсе не в русском духе, и не должны были понравиться степенному взгляду древней Руси на человека; но

храбрость, простодушие, беззаботность, доверчивость находят везде сочувствие, и потому самозванец встретил его в России, пока не пошел наперекор ее духу, пока не вздумал ее подчинить прихоти польской. Усидеть на престоле он не мог. Ужиться ему с Россией было невозможно. Падение его могло случиться скоро и должно было случиться непременно. Едва ли не первый выставил верно всю поэтическую сторону характера Лжедмитрия А. С. Хомяков в своей трагедии «Дмитрий самозванец». Характер Лжедмитрия схвачен там очень верно; мы бы присоединили еще беззаботную возможность худого и доброго и какое-то легкомыслие зла – черта, входящая, кажется нам, в характер Лжедмитрия.

Убит был самозванец, но не убита была тень: она ускользнула, как призрак, от мечей и пуль, оставила на то время Москву и понеслась в украинные города, где впервые и появилась.

На царский престол взошел князь Шуйский. Он не был избран, но в окружных грамотах, касающихся до вступления Шуйского, говорится об избрании. Об избрании нельзя было не упомянуть, нельзя было не указать на это право, и о нем упоминается. Со всем тем об избрании, как о неизбежном условии, говорится по необходимости, как бы мимоходом. Князь Шуйский указывает на другие права: он указывает на происхождение свое от Рюрика; он вновь указывает на целый государственный род, давно в понятии народном устранный выработавшейся из этого рода московской ди-

настией, давно потерявши в глазах народа свое царственное значение, но зато, как видно, неотступно присутствующей в мыслях князей Рюриковичей, и постоянно сохраняющей в глазах их всю свою венценосную силу. Замечательно, как дух княжьих времен оживает в грамотах Шуйского, как помнит все старые предания удельный князь, как верен он этим преданиям, и как переносит он их на царский престол московский. Мы видим, как вырывается в эту минуту наружу то, что было сдвлено Иоаннами, то, что устранял Борис. Шуйский, с одной стороны, говорит о своем происхождении от Рюрика, о непрерывной связи и преемстве государей с Рюрика и до него; он связывает удельный род свой с целым царственным родом всей России. «Учинилися есмь на отчине прародителей наших, – говорит князь Шуйский, – на российском государстве Царем и Великим Князем, его ж дарова Бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от Римского кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего, великого князя Александра Ярославича Невского, на сем российском государстве быша прародители мои, и по сем на Суздальский удел разделишась, *не отнятием, и не от неволи*, но по родству, яко ж обыкли большая братья на большая мста седати»... «Хотим держати московское государство, – говорит Шуйский в другой грамоте, – по тому ж, как прародители наши, Великие Государи, Российские Цари». С другой стороны, была еще одна яркая черта княжьих времен; мы видим, что князь в эпоху княжеств заключал (примеров тому

много) *ряд* с народом, где вступал он на княжение, князь целовал крест народу, а народ – ему. И вот, это предание княжьи князь Рюрикович переносит с собой на царский престол. Князь Шуйский, становясь царем всея России, целует крест народу, а народ целует крест ему.

Но в глазах народа наследственное право целого Рюрикова рода уже потеряло значение. Отныне с прекращением московской династии было уже одно только право: избрание всенародное, всей землей (в случае неимения прямого потомства). Но нельзя было быть в одно время и князем Рюриковичем времен усобиц, и царем всея России. И, ярко вспыхнувши еще раз, убеждения княжеской эпохи скоро потухли, не вызвав народного сочувствия.

«Не избран был всей землей князь Шуйский...» – вот что заговорили со всех сторон в народе. На краю России опять показалась тень Дмитрия... И больше прежнего со всех концов заколебалась Россия. Сомнительный царь сидел на престоле в Москве; другой сомнительный царь поднимался на него войной. Недоумение обняло всю русскую землю. Ничего верного, ничего ясного, и встала смута по всей земле. Ошибочно было бы обвинять вообще русских людей того времени в измене. Измены настоящей было весьма немного. Это было сомнение, колебание, шатание, но не измена. Люди не знали, чему верить: бросались к одному – и убеждались, что здесь обман; бросались к другому – и там не видали правды. Это именно было смутное время, время, крайне

тяжелое для страны, перенести которое весьма трудно. Велик народ, который переживет такое время. Русский народ его пережил: Шуйский был еще на престоле, а уже междоусобица, можно сказать, началось. Польские шайки вторглись в Россию, ища себе добычи, грабя, убивая, разоряя; казаки то же делали с другой стороны; скоро стали делать то же и союзники шведы, и наконец свои изменники. Кому, с кем было бороться? По частям, отдельными разрозненными рядами, дрались русские люди против этих различных врагов. Они могли еще знать, против кого драться; но за кого, но за что им было стоять? Большая часть хороших людей стояла за царя Василия, которому присягала, которого давно знала и который все-таки казался законнее других. И здесь неполнота убеждения ослабляла силы, и отпор давался поневоле не дружный, ибо не вполне искренний. Но не с внешними врагами только была борьба. Борьба была внутренняя: дело шло о нравственном очищении России, о том возвышении духа, до которого могла и должна была она достигнуть; дело шло об одолении внутри себя всех сколько-нибудь нечистых, недобрых элементов: таково было условие для спасения России. Как скоро здесь явятся победа и одоление, так уж внешних врагов победить и одолеть будет нетрудно. Такое-то великое испытание было послано на Россию, такому-то страшному очищению была она подвергнута. И отсюда начинается целый ряд всенародных покаяний, все искреннее и глубже.

Если Василий Шуйский взошел на престол без одобре-

ния народа, без народного совета, то не хотели свести его с престола иначе, как с одобрения и совета народного. Созывать выборных от всей земли было по тогдашнему смутному времени неудобно, почти невозможно. Но, по крайней мере, Москва (вмещавшая в себе тогда множество людей, с разных концов России пришедших) собралась на совет, не поместилась на Красной площади, и вышла в поле к Серпуховским воротам. Там решено было свести Шуйского с престола.

На престоле не было и сомнительного царя; престол был пуст, а вокруг него теснились разные претенденты, и шла страшная тревога и смятение. С одной стороны, – второй Лжедмитрий, с другой, – шведы со своим принцем, с третьей, – поляки со своим королевичем Владиславом, с четвертой, – целые шайки военных людей, поляков и казаков, которые били, грабили и опустошали. Посреди этих тревог и колебаний, множа вокруг себя волнение и смуту, бродили *имена* по России (как выразился Оболенский). Явилась целая семья призраков из московского царственного рода: даже нерожденные, никогда не существовавшие, – целое племя небывалое. Все почти люди разделились на партии, и каждая партия тянула к себе. Что было делать России? Не естественнее ли, казалось, принять сторону одной из партий, уже определенной, уже организованной, уже имевшей силу, присоединиться к ней, чтобы одолеть остальных, а потом, может быть, и против нее обратиться? Но это была бы уступка, было бы не исполненное веры, не правое, не святое дело: и Рос-

сия не пошла этой дорогой. Она должна была совершить дело правое. Так она и поступила. Она решилась не приставать ни к какой партии, а стать против всех. С этой мыслью поднялся Ляпунов. Но Ляпунов был сам слишком красив, горд и личен, слишком сам выдавался вперед, и он не мог спасти Россию. Для спасения России даже Ляпунова было недостаточно. Россия требовала более чистых рук, более самоотверженной любви. И такой человек явился. Нам кажется, что мера нравственного достоинства самого народа полагается в таких условиях его спасения, в нравственной высоте тех, которые удостоиваются быть, которых признает он его вождями. Это становится как-то ощутительно при смутном времени и при спасении России в ту эпоху. Пожарский с Мининым стали против всех врагов, сколько их было, стали лишь за правое, за святое дело земли русской. Сам Пожарский о себе не думал, себя не выставлял, не красовался, а думал только о земском деле. В это время междуцарствия Россия одержала победу во внутренней борьбе; Россия очистилась нравственно, одолела врагов внутренних: раздор, несогласие, смущение, шаткость, – и внешние враги ее пали. Россия победила.

Во время междуцарствия разрушалось и наконец рассыпалось вдребезги государственное здание России. Под этим развалившимся зданием открылось крепкое земское устройство, сильная община всей России, – следовательно, в течение семисот лет не подавленная, но, напротив, сбереженная государством. Под разрушившимся государством открылась

земля, для которой государство служило внешней крышкой. Падением государства воспользовались дикие, насильственные, нестройные, не земские элементы, которые им сдерживались; их дикое насилие показало неизбежность государства. Земля, лишенная всех выгод и удобств внешнего устройства, разрозненная наружно, но имеющая за собой преимущество внутреннего единства и сильнейшую всех сил, силу духа, – поднялась, как один человек, и пошла на врагов. Как ни многочисленны, ни многосильны были враги, они должны были отступить перед земской силой. В это-то время явилось все высокое значение Москвы, которая всей землей признается торжественно за столицу, за средоточие русское, к которой стремятся земские силы и освобождение которой празднуется со слезами, как освобождение России, ибо одно от другого нераздельно, конечно и на будущие, на вечные времена. Совершив подвиг свой, вызвавший ее на попрание грубой силы, земля вновь поставила государство, и вновь обратилась в свою область деятельности духовной и бытовой, область мысли и жизни.

Вообще междуцарствие показывает в минуту величайших бед и потрясений все бессилие государственного порядка, всю силу земли.

Эпоха междуцарствия ни одним русским историком не представлена еще была с той стороны, с какой представил ее г. Соловьев. Он обратил внимание на народное движение, на переписку городов между собой, на силу земскую. Конечно,

мы бы желали, чтобы все это было изображено явственнее, живее, чтобы в дело было заглянуто еще глубже, чтобы земская сила получила вес, следующей ей, почет, всю должную оценку. Но мы искренно благодарны за то, что уже сделано. Дальнейшие требования состоят еще в лучшем исполнении того, что уже дал нам почтенный историк.

Значение земли выступает ярко в эпоху междуцарствия. В предыдущих критиках наших на г. Соловьева (и в других наших статьях, задолго до тех критик, еще в 1845 году) мы указывали на значение *земли* в русской истории и приводили тому примеры, кроме рассматриваемых нами эпох, из эпохи междуцарствия.

Значение земли всегда столь глубокое и сильное в России, столь чтимое допетровским государством, выступает, как это и понятно, с особенной яркостью и силой в эпоху междуцарствия, когда государство потеряло всякую самостоятельность и наконец обратилось в развалины. В России мы видим значение *земли*, народа, а нисколько не бояр, не аристократии, ибо аристократия – это уже не земля, не народ. Такое народное (а не аристократическое) значение русской земли беспрестанно выдается в договорах и действиях междуцарствия. Если бы в России был хотя сколько-нибудь аристократический элемент, то он бы выдвинулся хотя сколько-нибудь, в эпоху междуцарствия особенно, – имел бы хотя какое-нибудь значение; но этого не видно нисколько. У всех русских, и в уме и на языке одно: *вся земля*. Скажут:

под всей землей подразумеваются все русские люди, под ней подразумеваются и бояре. Совершенно правда, но *наравне со всеми*, но не как бояре, а своей земской стороной, как люди *земств*, где для человека является только одно определение: *человек*. Простой народ, не имеющий никаких титулов, всего ближе к этому определению; он поэтому и носит всякому человеку предложенное и доступное название, всечеловеческое название *крестьянина*, то есть христианина. «Меня вся земля послала, а не одни бояре; а от одних бояр я бы, князь Василий, и не поехал» – так говорит полякам знаменитый боярин, князь Василий Васильевич Голицын. «Ты, Лев Иванович, – говорят Сапеге русские послы в стане Сигизмунда, – сам бывал в послах, так знаешь, можно ли послу сверх наказа что-нибудь сделать? И ты был послом от государя к государю, *а мы посланы от всей земли*: как же мы смеем без совета *всей земли* сделать то, чего нет в наказе»?¹⁶ В договоре, который заключали русские с польским правительством, когда решались призвать государя из чужой земли и хотели поэтому себя обеспечить, было сказано, что «перемена законов зависит *от бояр и всей земли*»¹⁷ Там также есть выражение: «его господарская милость (король) станет говорить и урывать, *по обычаю московского государства*, с патриархом, со всем освященным Собором, с боярами и *со всей зем-*

¹⁶ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 366.

¹⁷ Там же, с. 297.

лей»¹⁸. Ополчение под Москвой собравшись, выбрало в начальники всей землей бояр и воевод: Трубецкого, Заруцкого и Ляпунова, и написало приговор. В приговоре написаны разные правила и постановления; между прочим говорится, чтобы «печатать к грамотам о *всяких* делах устроить *земскую*, а при больших земских делах у грамот быть руке боярской»¹⁹; говорится: «смертной казнь без приговору всей земли боярам не по вине не казнить и по городам не ссылатъ»²⁰; прибавляется: «а кто кого убьет без земского приговора, того самого казнить смертно»²¹; и наконец говорится: «если же бояре, которых выбрали теперь всей землей для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радеть и расправы чинить не станут во всем в правду, и по тому земскому приговору всяких земских и ратных дел делать не станут: то нам всей землей вольно бояр и воевод переменить, и на их место выбрать других, поговоря со всей землей, кто к ратному и земскому делу пригодится»²².

Кажется, нет надобности приводить еще свидетельства, встречающееся беспрестанно, того высшего, того первостепенного значения, какое имеет земля в допетровской России. Думаем, оно довольно очевидно. Стоит вспомнить толь-

¹⁸ Там же, с. 298–299.

¹⁹ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 421.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 422.

²² Там же.

ко выборного от всей земли мясника Кузьму Минина, сидящего рядом с князем Пожарским и рядом с ним подписывающего грамоты.

Это отсутствие аристократического элемента замечали и поляки; они говорят, что в России народ всегда имеет власти более, чем сенат. Любопытно также, как в уме поляков отражается обычай допетровской России: постоянно совещаться со всеми и делать все с общего совета. Вот пример: Гонсевский говорит Шеину: «Король велел мне обо всем этом переговорить с тобой; но вы сами от доброго дела бегаете, держась своего обычая московского: брат брату, отец сыну, сын отцу не верит, этот обычай теперь ввел царство московское в погибель». Какой же это обычай московский? А вот послушайте далее. Гонсевский продолжает: «Я, зная, что у вас, у государей и в народе, такой доверенности, как у нас, нет, и тебе *по обычаю московскому* нельзя было со мной съезд устроить; зная это, я писал тебе, чтобы ты объявил о деле архиепископу и другим смолянам, *и с их ведома* съезд устроил»²³. Так вот он, этот обычай московский! Вот что не нравилось так сильно пану Гонсевскому, вот что называет он отсутствием доверенности друг к другу, в чем видит явление безнравственное и гибельное: это обычай не распоряжаться самому произвольно, а совещаться с другими, делать дело с общего совета. Такой упрек с польской стороны крайне важен и знаменателен; он проводит резкую черту между дву-

²³ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 285.

мя странами и еще сильнее подтверждает повсюдное присутствие совещательного элемента в древней России.

Мы сказали уже, что в этом томе у г. Соловьева – и это важная его заслуга, которую мы высоко ценим – в его истории междоусобиц обращено внимание на движение собственно народное, и народ не остался в тени. Теперь мы позволим себе сделать некоторые замечания почтенному автору.

На с. 177–178 автор говорит: «Некоторые из его (Болотникова) казаков засели в деревне Заборье, но принуждены были сдать царским воеводам; Шуйский велел их взять в Москву, поставить по дворам, кормить и ничем не трогать; но тех, которые были пойманы на бою, велел посадить в воду». Далее, на той же странице автор говорит: «Сам воевода, князь Мосальский был убит, и ратные люди его сели на пороховые бочки и взорвали сами себя на воздух: они предпочли погибнуть от огня, ибо знали, что в Москве взятые на бою гибнут от воды». Это выражение у автора имеет вид как будто шуточки. Шутка здесь кажется нам странной, неуместной. А потом, ратные люди могли и не знать, как в Москве поступают с другими ратными людьми, взятыми на бою. Далее: если бы даже и знали они, то почему же непременно бесстрашный поступок их – объяснять таким расчетом и ослаблять его геройство? Что такой расчет у ратных людей был – доказательств нет, а тайных мыслей своих они никому не сообщили. Мало того: мы имеем все причины думать наоборот.

Если ратные люди Мосальского знали, что делают в Москве со взятыми на бою, то они, конечно, также знали, что делают в Москве с теми, кто сдается (см. начало выписки): кто ж им мешал сдаться и быть пристроенными и накормленными? Итак, не от того взорвали себя на воздух эти бесстрашные люди, что все равно приходилось погибать так или иначе, а от того, что лучше хотели умереть, чем сдаться: тогда как из вышеприведенных слов самого автора выходит, что, сдаваясь, ратные люди обеспечивали себе жизнь и довольство. Наконец, автор, кажется (судя по словам его), думает, что сажать в воду означает смертную казнь посредством воды, следовательно «посажать в воду» значит – утопить. Такое же объяснение этого действия (посажать в воду) находим у автора ниже. На с. 424, говоря о вражде Ляпунова с казаками, автор говорит: «Дело началось тем, что у Николы на Угреше Матвей Плещеев, схвативши 26 человек казаков, посадил их в воду; казаки вынули всех своих товарищей из воды, привели в таборы под Москву, собрали круг и начали шум на Ляпунова, хотели его убить. Летопись умалчивает о подробностях, но видно, что в этом случае казаки имели правду на своей стороне; если Плещеев поймал казаков на грабеже, то обязан был привести их в стан и отдать на суд, а он самовольно посадил их в воду, тогда как в приговоре было утверждено, что смертная казнь назначается с ведома всей земли». Автор, очевидно, думает, что это смертная казнь. Но нам кажется, что это не казнь, а наказание. Иначе как бы

могли казаки, нашедши товарищей своих посаженными, вынуть их всех и привести в стан? Следовательно, они живы. Если бы *посадить в воду* значило казнить, то это бы не могло случиться. Итак, это было наказание с предоставлением на произвол судьбы: как к дереву в лесу на произвол судьбы, на случай, что найдется кто-нибудь, который развяжет. Но во всяком случае это не смертная казнь, и следовательно, противоречия приговору всей земли здесь не было, а поэтому и здесь казаки правды на своей стороне не имели.

Говоря о смерти Ляпунова, автор не упоминает о рассказе Маскевича, который сам в это время был с Гонсевским в Кремле. По его рассказу, Гонсевский, чтобы погубить Ляпунова, употребил следующее предательство: уверил одного пленного боярина, что он, Гонсевский, в сношениях с Ляпуновым, что Ляпунов хочет предать ему все войско; показал грамоты к нему от Ляпунова за поддельной подписью, дал грамоту, будто бы от себя, к Ляпунову, и, чтобы боярин крепче поверил, взял клятву с боярина никому не сказывать. Безбожный ков удался: боярин, как пришел в стан, так и рассказал всему войску. В этом же роде рассказывает и летопись Филарета. Нам кажется, что и то и другое, то есть и польское и казацкое предательство могло быть: могла быть и не одна поддельная грамота с целью, чтобы погубить Ляпунова. Да, много старались о гибели Ляпунова. Видно, лежал он камнем на сердце у всех врагов России, у всех разбойников и грабителей. Такие иудины старания еще более возвышают

Ляпунова и еще более унижают гнусных врагов его.

Автор говорит о Салтыкове (он называет и других тушинцев), что он сочувствовал планам Лжедмитрия и желанию просвещения, и указывает на то, что в договоре они выговаривают право для русских людей ездить для науки за границу. Это совершенно справедливо, но требует, кажется, некоторой оговорки. Россия сама сильно хотела сближения с просвещенными странами. Но при таком совершенно законном желании, нисколько не противоречащем, а благоприятствующем самостоятельности, – могло быть весьма естественно, и было, конечно, в иных, увлечение просвещенной внешнестью Европы, увлечение не свободное, а подчиненное, рабское. Таков был, кажется нам, Салтыков. Хотя Борис, желая просвещения, желал его совершенно самостоятельно, но так как поэтому он в то же время и сильно заботился о сближении с Европой, то Салтыков должен был быть за него. И точно, мы находим у Маржерета свидетельство, которое заслуживает быть упомянутым, что Михайло Глебович Салтыков оставался верен Годунову и был связан. Потом стоял Салтыков за самозванца. Наконец, во время междуцарствия особенно выказалось, что он, кроме стремления к просвещению, был просто предан иностранцам. Он стал уж не на сторону королевича Владислава, а на сторону короля Сигизмунда; он изменил своему народу, и всеми мерами и путями старался предать Россию власти польского короля. Это был хитрый и бешеный изменник. Имя его пользуется позорной

знаменитостью.

На с. 308 автор говорит о действиях послов и о совещаниях их с выборными людьми, с ними в посольстве отправленными. Замечателен состав самого посольства. Послов собственно немного, но с ними отправлено в посольстве множество людей от всей же земли. Это представители земли, с одной стороны, для Сигизмунда, с другой, – для самих послов; это – дума посольская, собор посольский, так сказать, с которым совещаются послы. Мы это видим. В отрывке грамоты посольской из Сигизмундова стана в Москву прямо рассказывается, как послы советуется в важных случаях со всеми выборными людьми, при них в посольстве находящимися. Именно: «И мы у панов рады едва упросили сроку до завтра, чтоб нам о том посоветовать с митрополитом Филаретом и со всеми людьми, которые с нами с Москвы ото всей земли посланы»²⁴. Обстоятельства этого замечательного совещания переданы г. автором со странной неверностью, сравнительно с упомянутой посольской грамотой. Он говорит: «Потом призваны были за советом дворяне и все посольств люди, спрошено: „Если Смоленск возьмут приступом, то они, послы, от патриарха, бояр и всех людей московского государства, не будут ли в проклятии и ненависти?“ Все отвечали: „Хотя б в Смоленске были наши матери, жены и дети, то пусть бы погибали. Да и сами смоляне дума-

²⁴ Собрание государственных грамот и дел, с. 474.

ют то же, и скорей все помрут, а не сдадутся“»²⁵. В грамоте послов это рассказывается не совсем так. Люди, посланные с послами в посольстве ото всей земли, дворяне и стольники, и дворяне и дети боярские разных городов, и гости, и торговые люди: «Митрополиту говорили и нам говорили накрепко, чтоб нам однолично на том стояти, чтоб в Смоленск польских и литовских людей не пустить ни одного человека, что если и немногие королевские люди в Смоленске будут, то нам Смоленска не видать. Если которая кровь прольется или что над Смоленском сделается, то это будет не от нас (послов); только б своею слабостью Смоленска не потерять»²⁶. Вот что отвечали люди, посланные от всей земли с послами; а г. автор приписал эти слова одному Филарету. Всем же посольским людям вложил в уста такую условную речь: «Хотя б в Смоленске были наши матери, жены и дети; то пусть бы погибали. Да и сами смоляне думают то же и скорей все помрут, а не сдадутся». Это опять не так. Вместе с послами в посольстве были ехавшие с ними из Москвы смоляне, дворяне и дети боярские (о чем автор не упоминает вовсе). Эти смоляне, призванные вместе с другими на совещание, сказали не условно, а положительно: «Хотя в Смоленске наши матери и жены и дети погибнут, только бы на том крепко стоять, чтоб польских и литовских людей в Смо-

²⁵ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 368.

²⁶ Собрание государственных грамот и дел, с. 474.

ленск не пустить»²⁷. Такие слова имеют совсем иной характер, совсем иную силу. Это не мечтательное предположение: «Хотя бы были в Смоленске наши матери, жены и дети, то» и пр. Здесь в Смоленске в самом деле матери, жены и дети тех смолян, которые говорят эти великодушные слова: слова эти получают тогда настоящую действительность, и поэтому совсем иную силу, и являются во всем своем великодушии. У автора вопреки исторической верности они не имеют своего действительного и великого значения и могут даже почитаться, пожалуй, фразой. Все дело в том, что автор руководствовался рассказом Голикова, который, очевидно, имел под рукой подлинные, достоверные материалы, откуда иногда и прямо выписывал; но, кажется, самый подлинный неоспоримый памятник – это посольская грамота в Москву к боярам, управлявшим государством, сохранившаяся в отрывке, которой мы здесь и следовали и которой не следует автор, не объяснивши, почему он предпочитает ей рассказ Голикова.

Мы должны еще указать на странное противоречие автора. На с. 372–373 он говорит: «Захар Ляпунов также покинул послов, но в Москву не поехал, а перешел в польской стан, и ежедневно пировал у панов, забавлял их насмешками над послами и утверждал, что старшие послы все делают сами собой, не спрашиваются с дворянами, все таят от них. В последних словах мы видим причину, почему Ляпунов покинул послов». Итак, автор верит, что Ляпунов не выдумывал.

²⁷ Там же, с. 475.

Как же после этого согласуется такое мнение с известием, которое приводит сам автор и которое, очевидно, несомненно? Именно: «Между тем Захар Ляпунов и Кирил Сазонов продолжали наговаривать панам, что во всем виноваты главные послы, которые дворянам ничего не объявляют. Паны призывали к себе дворян и сказали им: „Нам известно, что послы с вами ни о чем не советуются и даже скрывают от вас боярские грамоты“. Дворяне отвечали: „Это какой-нибудь бездельник, вор вам сказывал, который хочет ссору видеть между вами и послами, поставьте его с нами с очей на очи. Боярскую жалобу нам читали, и мы им сказали, что исполнить ее нельзя: писана она без патриарха и без совета всей земли“»²⁸. Этим словам трудно не поверить. Но тогда надобно иначе понять действия и слова Ляпунова. Мы не ошибемся, если скажем, что переход Ляпунова к полякам был притворный, что он обманывал поляков, что он нарочно наговаривал им на послов с целью, – с какою?.. Она ясно высказалась в словах дворян (см. выписку): *это вам сказывал тот, кто хочет ссору видеть между вами и послами*. Наконец окончательно ясны становятся действия Захара Ляпунова из грамоты, которой бояре извещают короля Сигизмунда, что Ляпунов, живя в стану у поляков, сносится с братом Прокофьем и сообщает ему вести про поляков из стана. Сам же г. Соловьев говорит²⁹, что бояре извещали короля, что Захар Ляпу-

²⁸ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 400.

²⁹ Там же, с. 387.

нов сносится с братом. После всего этого поступки Захара Ляпунова в польском стану, единодушно действовавшего с братом Прокофьем, становятся ясны до очевидности.

Мы должны указать на одно обстоятельство этой многознаменательной эпохи, обстоятельство, как нам кажется, весьма важное. Это замечательный совет, данный иезуитами второму самозванцу. Иезуиты советуют перенести столицу и говорят прямо: *надобно жить где-нибудь, только не в Москве*. Такой весьма замечательный совет от врагов наших, врагов умных и хитрых, умеющих, как известно, находить средства к достижению своей цели, должен остановить внимание и заставить задуматься всякого мыслящего человека, в особенности русского. Совет этот, как известно, не был исполнен по очень понятной причине. Второй самозванец не достиг русского престола. И Москва в течение еще 100 лет оставалась по прежнему обычаю единой столицей России.

Во время междуцарствия высказался довольно явственно взгляд русской земли на государство. Сознвая вполне его необходимость, как защиты, как обороны, как *правды внешней*, земля не придавала ему важнейшего внутреннего значения, зная, что это значение вполне принадлежит ей, земле. Государство знало свои пределы. Земля из уважения к себе не покидала своей земской области, области внутренней правды, духа и слова, и не переходила в область внешней принудительной правды. Но мнения свои высказывала она постоянно и громко. При системе взаимного невмеша-

тельства, но в дружбе и в беспристрастном свободном совещании, жили земля и государство вместе, и жили ладно. В эпоху междоусобицы государство пало. Земля, обнаружившись из-под разбитой крыши государственной, сильная своей жизнью земской, всегда государством доселе уважаемой, и сознавая внешнюю надобность в государстве, – земля громко высказала эту потребность, и пошла на врагов, одолела, и государство опять поставила. Но опять: государство она понимает от себя, от земли, отдельно, и в своих грамотах более или менее ясно высказывает свой взгляд. Земля говорит, что государь необходим *государству*. «Сами знаете, – говорится в одной грамоте, – что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя»³⁰. «Без государя государство ничем не строится, – говорится в другой грамоте, – и воровскими заводами на многие части разделяется, и воровство многое множится»³¹. Говоря это, земля определяет в то же время военное и вообще внешнее значение государя и государства. «Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов польских, литовских и немецких людей, и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? и как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылаться? и как государству нашему вперед стоять крепко и неподвижно?»³²

³⁰ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 438.

³¹ Там же, с. 460.

³² Там же, с. 430.

На государя смотрит земля, как на начальника, на главу государства. Это воззрение хотя и не вполне высказывается и в словах грамоты 1612 года: «Вседержитель Бог совершил ярость гнева своего в народе нашем, угасил два великие светила в мире: отнял у нас главу московского государства и вождя людям, государя царя и великого князя всея Руси, отнял и пастыря и учителя словесных овец стада его, святейшего патриарха московского и всея Руси»³³.

Великое время междуцарствия представляет решительное торжество начала земского, начала нравственного, свободного. Все могущество внешнее, государственное, было сокрушено и бессильно. Очищаясь и возвышаясь нравственно, наконец встала сама земля, и, исполненная силы духа, одолела всех врагов.

Заключаем нашу статью превосходными словами г. Соловьева, так верно, глубоко и полно схватывающими значение междуцарствия:

«Получив весть о недобром совете Шульгина и Биркина, князь Дмитрий, Кузьма и все ратные люди положили упование на Бога, и как Иерусалим был очищен последними людьми, так и в московском государстве последние люди собрались и пошли против безбожных латинян и против своих изменников. Действительно, это были последние люди московского государства, коренные, основные люди: когда ударили бури Смутного времени, то потрясли и свеяли много

³³ Там же, с. 441.

слоев, находившихся на поверхности; но когда коснулись оснований общественных, то встретили и людей основных, о силу которых напор их должен был сокрушиться»³⁴. Трудно сказать что-нибудь лучше.

³⁴ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 448.